

Санкт-Петербургская  
православная духовная академия  
*Архив журнала «Христианское чтение»*

**Н.И. Сагарда**

**Святого Григория Чудотворца,  
епископа Неокессарийского,  
«К Феопомпу о возможности и  
невозможности страданий для Бога»**

*Опубликовано:  
Христианское чтение. 1913. № 7-8. С. 993-1003.*

© Сканирование и создание электронного варианта:  
Санкт-Петербургская православная духовная академия  
([www.spbda.ru](http://www.spbda.ru)), 2009. Материал распространяется на основе  
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием  
авторства без возможности изменений.



СПБДА  
Санкт-Петербург  
2009

---

---

## Святаго Григорія Чудотворца, епископа Неокесарійскаго, „Къ Θεопомпу о возможности и невозможности страданій для Бога“. \*)

---

Х. Итакъ, закончивши это, намъ надлежитъ сдѣлать такое заключеніе, именно, что въ страданіи обнаружилось безстрастіе Божества и всяческими способами доказана сила Его мудрости, даже тогда, когда Оно подвергло себя страданіямъ. Не думай, возлюбленнѣйшій Θεопомпъ, что блаженнѣйшему существу невозможно пройти чрезъ всѣ тѣла, которыя причиняютъ страданія, когда мы видимъ, что свѣтлые лучи солнца проходятъ чрезъ чистое стекло, и что вообще тѣла, имѣющія различную природу, никакимъ образомъ не встрѣчаютъ препятствій къ тому, чтобы утонченнымъ образомъ одни проходили чрезъ другія. Но если матерія одного существа не препятствуетъ матеріи другого проходить чрезъ нее, вслѣдствіе своей тонкости, то какъ намъ не согласиться, что божественная сущность, которая возвышеннѣе и превосходнѣе всего, безпрепятственно проходитъ, въ силу своей тонкости, чрезъ всѣ тѣла, какія ей встрѣчаются, такъ что Божество никакимъ образомъ не претерпѣваетъ отъ страданій? Ибо извѣстно, что природа блаженнѣйшаго и нетлѣннаго существа всегда остается одною и тою же. Въ томъ сравненіи, которое я привелъ, [взятъ] отъ солнечныхъ лучей, самый свѣтъ остается тѣмъ же, ни въ какомъ отношеніи не уменьшеннымъ, хотя онъ отъ своего сіянія удѣляетъ нуждающимся. Насколько же болѣе Богъ, существо блаженнѣйшее, возвышенное надъ всѣмъ, бо-

---

\*) Окончаніе. См. июнь.

гатыи милосердіемъ, при раздаяніи Своихъ благъ нуждающимся, пребываетъ тѣмъ же и ничего не лишается, такъ что не должно, какъ говорятъ нѣкоторые въ своихъ нелѣпыхъ басняхъ, неизслѣдимое и неизъяснимое снисхожденіе Бога къ людямъ называть страданіемъ Безстрастнаго. Они, конечно, предварительно не подумали, что неизслѣдимаго Бога не можетъ удержать ни Его природа, ни какое либо иное существо отъ того, чтобы Онъ слѣдовалъ Своей волѣ. Мы утверждаемъ, что только Тотъ [дѣйствительно] является высочайшимъ, свободнымъ, Кто не претерпѣваетъ противодѣйствія отъ закона своей природы, Кто не можетъ быть побужденъ силою къ возстанію противъ [иного, высшаго] могущества, Кто не удерживается въ царствѣ богатства, Кто не страшится величія Своего Божества и отъ смерти не содрогается. А если кто боится огня, содрогается желѣза, устрашается преисподней, бездны, не хочетъ быть отданнымъ дикимъ звѣрямъ,—какимъ образомъ этого, который такъ удаляется отъ пагубныхъ для людей бѣдствій, мы можемъ назвать Богомъ? — Если же блаженнѣйшій и нетлѣнный Богъ пришелъ въ огонь, не боясь огня, такъ какъ Онъ всегда пребываетъ однимъ и тѣмъ же, и презрѣлъ огонь вслѣдствіе того, что огонь не всегда тотъ же,—ибо какъ мы можемъ объ огнѣ, сила котораго терпитъ убыль, сказать, что онъ всегда одинъ и тотъ же?—Но объ этомъ Богѣ, презирающемъ желѣзо, пренебрегающемъ огнемъ, не боящемся смерти,—какъ мы можемъ не сказать, что Онъ безстрастенъ, когда Онъ въ Своихъ страданіяхъ остается тѣмъ же, добровольно принимая на Себя человѣческія страданія, но не претерпѣвая болѣзненныхъ ощущеній, истекающихъ изъ человѣческихъ страданій? Ибо тотъ есть Богъ, Кто всегда остается однимъ и тѣмъ же. Кто же терпитъ вредъ отъ страданій, поражается болѣзненными ощущеніями, силою необходимости удерживается отъ того, чтобы совершать благое, тотъ не Богъ, хотя бы онъ и назывался Богомъ. А кто не подлежитъ смерти, кто своимъ страданіемъ доказалъ свое безстрастіе, тотъ можетъ придти и совершить то, что пристойно совершать Богу—помощнику и можетъ измѣниться въ мой [человѣческій] образъ, однако пребывая въ своей неизмѣняемости, и быть всѣмъ, будучи внѣ всего. Та воля безстрастна, которая силою необходимости не удерживается отъ того, чтобы придти къ тѣмъ людямъ, которые жаждутъ божественнаго промысленія. Но тотъ, кто, созерцая величіе своего божества въ своемъ прекрасномъ

блаженствѣ, избралъ себѣ молчаніе, и который одинъ только пребываетъ въ счастья своего естества, презирая все прочее, потому что онъ предпочелъ бездѣятельность, которую онъ избралъ для себя,—какимъ образомъ такое совершеннѣйшее существо не окажется значительно ниже тѣхъ смертныхъ, которые не пощадили своей жизни, чтобы помочь своимъ отечественнымъ городамъ или друзьямъ, которые своею волею стали выше мученій, и вслѣдствіе своей выдающейся доблести причиненныя имъ мученія не считали мученіями? Первый же тотъ, которому было имя Теосъ.<sup>1)</sup>—онъ предпочелъ смерть, чтобы (сограждане) не служили Лакедемонянамъ. Эпаминондъ также былъ умерщвленъ, чтобы Аѳиняне не были доведены до рабства. Левкиппъ<sup>2)</sup> былъ убитъ, чтобы Атуляне<sup>3)</sup> не заплатились рабствомъ; Феодоръ<sup>4)</sup> отрѣзалъ себѣ языкъ, чтобы не предать друзей; Физонъ<sup>5)</sup> былъ распятъ, чтобы не лишиться довѣрія, которымъ онъ пользовался; Анаксархъ<sup>6)</sup> былъ разсѣченъ, чтобы своею ложью не смущалъ Никоклеса; Діогресь<sup>7)</sup> былъ изгнанъ

<sup>1)</sup> Правильное опредѣленіе того, какихъ лицъ и какіе факты разумѣетъ авторъ въ дальнѣйшемъ перечисленіи, затрудняется тѣмъ, что греческія собственныя имена въ сирійскихъ произведеніяхъ часто передаются въ измѣненной или совершенно искаженной формѣ (*V. Ryssel, Gregorius Thaumaturgus. Sein Leben und seine Schriften, S. 124*). Кромѣ того, въ данномъ случаѣ, повидимому, и самимъ авторомъ допущены ошибки, если съ *Ryssel*'емъ и *Martin*'омъ признать, что вѣроятнѣйшимъ источникомъ его свѣдѣній былъ *Valerius Maximus* съ его произведеніемъ *De dictis factisque mirabilibus* въ 9 книгахъ. Но вообще должно сказать, что этотъ источникъ не установленъ. Подъ Теосомъ *Ryssel* (*S. 88*) разумѣетъ Кодра, послѣдняго аѳинскаго царя, который пожертвовалъ своею жизнью, такъ какъ оракулъ предсказалъ, что Аѳиняне побѣдятъ только въ томъ случаѣ, если царь ихъ будетъ убитъ врагами. Кодръ переодѣтымъ отправился въ лагерь непріятелей, завелъ ссору съ воинами и былъ ими убитъ.

<sup>2)</sup> *Bäthgen* (въ *Götting. gelehrt. Anzeigen 1860, S. 1400*) предлагаетъ исправить на *Ликискъ*; во всякомъ случаѣ, сказанное не можетъ относиться къ философу Левкиппу.

<sup>3)</sup> Можетъ быть: этоляне (*Ryssel, S. 88*).

<sup>4)</sup> *Valerius Maximus, lib. III, 3, 4* рассказываетъ это объ Анаксархѣ.

<sup>5)</sup> Можетъ быть Физонъ, о которомъ *Diodorus Siculus (XIV, 112)* сообщаетъ, что онъ былъ умерщвленъ Діонисіемъ.

<sup>6)</sup> Анаксархъ, ученикъ Демокрита, былъ убитъ Никокреономъ. О немъ и его судьбѣ сообщаетъ *Valerius Maximus lib. III, 3, 4* и Цицеронъ, *Tuscul. II, 22, 52* и *De natura deorum III, 33*.

<sup>7)</sup> Софистъ Діогоръ, ученикъ Демокрита, жившій во второй половинѣ V вѣка до Р. Хр., открытымъ отрицаніемъ существованія боговъ

Аѳинянами, Сократъ умерщвленъ, Филоксену<sup>1)</sup> приказано было ломать камни, а Каллимаха<sup>2)</sup> и Кинегира<sup>3)</sup> мы должны не только хвалить, но и удивляться имъ, ибо, когда пронзенное стрѣлами тѣло было, какъ говорятъ, бездыханнымъ, онъ былъ страхомъ для враговъ, помощникомъ же и защитникомъ для своихъ согражданъ. Хиронъ<sup>4)</sup>, не щадя себя, съ радостью отдалъ свою голову врагамъ. Какъ не удивляться также Аммонію<sup>5)</sup>, который, не обращая вниманія на боль отъ раны, побѣжалъ въ свой городъ, чтобы извѣстить объ одержанной надъ непріятелями побѣдѣ и который, лишь только прибылъ въ городъ, сказавъ собравшимся гражданамъ: «радуйтесь, мы побѣдители», тотчасъ испустилъ духъ? Опять также Евротъ<sup>6)</sup>, когда лежалъ въ постели больной, услышавъ, что война, бывшая въ то время, усиливается и македоняне стоятъ, угрожая согражданамъ, побуждаемый любовью къ своимъ соотечественникамъ, приказалъ слугамъ отнести его въ сраженіе, гдѣ онъ могъ бы умереть съ согражданами. Аристокдемъ же, который уклонился отъ войны и бѣжалъ въ Спарту, почитался всѣми презрѣннымъ и отверженнымъ.

XI. Итакъ, обрати вниманіе, возлюбленнѣйшій, какое и сколь великое презрѣніе къ смерти показали смертные, ради отечества и друзей обнаруживая мудрость и силу. Нѣкогда ради друзей они не щадили женъ, презирали жизнь, и, ради своихъ отечественныхъ городовъ, безъ колебанія предпочитали потерять жизнь. Они неудержимо возрастали въ своей свободѣ и въ служеніи добродѣтели, съ радостью не только допустили

---

вызвалъ противъ себя недовольство аѳинскаго народа и въ 413 г. долженъ былъ бѣжать изъ Аѳинъ. V. Ryssel, S. 89, Anm.

<sup>1)</sup> Филоксенъ (ум. въ 380 г. до Р. Хр.) жилъ при дворѣ Діонисія старшаго и навлекъ на себя его гнѣвъ тѣмъ, что не хотѣлъ хвалить его плохихъ стиховъ. Diodorus Sicul. XIV, 46. XV, 6. Ryssel, ibid.

<sup>2)</sup> Каллимахъ былъ убитъ въ мараонскомъ сраженіи.

<sup>3)</sup> Кинегиръ удерживалъ захваченное убѣгавшимъ непріателемъ судно сначала правою рукою, потомъ, когда она была отсѣчена, лѣвою и, наконецъ, зубами. Herodot. VII, 114. Ryssel, S. 90, Anm.

<sup>4)</sup> О Хиронѣ ничего неизвѣстно.

<sup>5)</sup> У В. Рисселя: Евменій. Раазумѣется аѳинянинъ, послѣ мараонской битвы принесшій въ Аѳины вѣсть о побѣдѣ.

<sup>6)</sup> Евротъ (у Рисселя: Евритъ) и Аристокдемъ принадлежали къ знаменитому отряду (изъ 300 чел.) Леонида и велѣдствіе болѣзни были опущены; однако Евритъ велѣлъ нести себя въ битву, когда узналъ, что Персы обошли героевъ, и умеръ въ сраженіи. Аристокдемъ не возвратился въ отрядъ. Herod. VII, 229. Ryssel, S. 90, Anm.

быть разсѣченными тиранными, но даже не уклонились отъ того, чтобы быть прибитыми гвоздями къ дереву, смертію пріобрѣтая себѣ свободу.

XII. Богъ же, Который не имѣеть нужды въ славѣ и Который выше страданій, Самъ добровольно пришелъ на смерть, но такъ, что страхъ или трепеть не овладѣвали Имъ. Но неужели мы скажемъ, что вслѣдствіе того, что Богъ живетъ во славѣ, Онъ не воспринялъ на Себя поношенія, проистекающаго изъ страданій, и такимъ образомъ, желая почитать Его, станемъ отрицать, что Имъ подается помощь людямъ? Какое униженіе могъ претерпѣть въ страданіи безсмертный Богъ, Который своею смертію посрамилъ смерть? Богъ не знаетъ и страданія стыда, вслѣдствіе чего Онъ могъ бы стыдиться страдать, поелику гордость всегда чужда Ему. Какимъ образомъ Богъ могъ претерпѣть стыдъ, безсиліе или поношеніе, пришествіемъ на смерть, чтобы отвратить смерть отъ людей? Ибо кто ищетъ суетной славы и боится лишиться ея, тотъ никогда не захочетъ перенести страданіе смерти. Почему бы Богъ могъ бояться, чтобы у него не отняли славы и не лишили ея на вѣки? Для Бога же предпочтительнѣе страданіе отъ желѣза или огня, чѣмъ страданіе отъ [желанія] суетной славы. Ибо этого послѣдняго страданія Богъ не могъ бы исцѣлить, если бы оно было у Него самого. Но если Богъ не жаждетъ славы, потому что Онъ выше всякихъ страданій, то Онъ можетъ придти на смерть, такъ какъ, поелику Онъ—жизнь, Онъ можетъ претерпѣть смерть и смертныхъ избавить отъ смерти, такъ какъ Онъ самъ—безстрастный Богъ, даже когда Онъ находится въ страданіяхъ. Ибо когда кто-либо претерпѣлъ страданіе, будучи безстрастнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отразилъ его отъ себя, какъ такой не поспѣшилъ бы съ радостію вступить въ брань со смертію, чтобы упразднить смерть? Ибо живущій, если онъ боится отъ смерти претерпѣть смерть, не есть дѣйствительно живущій; а тотъ живущій, который не подверженъ смерти, самъ вызываетъ ее, чтобы своею смертію показать, что онъ есть жизнь. Такъ именно мы видимъ, что лучи свѣта, когда смѣшиваются съ мракомъ, не становятся причастными ему и не претерпѣваютъ потемнѣнія, хотя и пребываютъ во мракѣ. Ибо примѣсь мрака не только не потемняетъ свѣта, но скорѣе свѣтъ своимъ сіяніемъ освѣщаетъ мракъ. И дѣйствительно, подобно тому, какъ слабый мужъ побѣждается болѣе значительнымъ, превосходнѣйшимъ и силь-

нѣйшимъ или, какъ, съ удаленіемъ свѣта, мракъ остается въ своей темнотѣ, такъ и Богъ Своимъ добровольнымъ пришествіемъ на смерть не навлекъ на Себя ничего заслуживающаго поношенія, когда, напротивъ, показалъ Свое превосходство надъ всѣмъ, сокрушивши власть смерти и лишивши смерть господства надъ всѣмъ, какимъ она [прежде] услаждалась. Естество же Бога въ смерти пребыло нетлѣннымъ и силою безстрастія сокрушило страданія, наподобіе свѣта, который смѣшивается съ тьмою. Ибо страданія тогда должны считаться поистинѣ сильными, когда они, выдерживая борьбу съ противоположными имъ вещами, сами остаются тѣмъ, чѣмъ были. Но это смѣшеніе должно происходить не въ воображеніи или въ мысли, но въ дѣйствительности. Итакъ, если существа взаимно противоположныя, которыя, по присущей имъ силѣ, могутъ оставаться нетлѣнными и не чувствительными къ страданіямъ, даже когда они смѣшиваются съ другими существами, какъ, напр., саламандра, которая можетъ презирать пламя, и какъ адамантъ, когда по нему ударяютъ желѣзомъ,—ибо все это, какъ мы сказали, не въ воображеніи только или въ мысли остается не воспріимчивымъ къ страданіямъ,—такъ вотъ, если саламандра, подвергаясь дѣйствию огня, остается невредимой, не претерпѣвая никакого ущерба отъ своего соприкосновенія съ огнемъ; если, говорю, матеріальныя существа, повидимому, не испытываютъ никакого измѣненія въ своей субстанціи, даже когда смѣшиваются съ другими существами, производящими поврежденіе, но, напротивъ, остаются цѣлыми и невредимыми, и не лишаются ничего изъ своей сущности,—то какое препятствіе или какое затрудненіе мы найдемъ въ томъ, что нетлѣнная сущность Бога останется безстрастною, даже когда входитъ въ соприкосновеніе съ вещами, причиняющими страданіе?

ХІІІ. Не вѣрь, о. Θεοпомпъ, тому, что нѣкоторые, какъ извѣстно, искусно утверждаютъ, именно, что блаженнѣйшій и нетлѣнный тотъ, кто ни самъ не проявляетъ дѣятельности, ни другому не предоставляетъ дѣйствовать. Ибо кто таковъ, тотъ страдаетъ безсиліемъ. Ибо кто осмѣлится назвать того, кто не открываетъ пути къ добродѣтели, не дѣлаетъ людей знающими, не научаетъ другихъ мудрости, не разумѣетъ праваго, не заботится о спасеніи душъ, воздерживается отъ совершенія добродѣтели,—кто, говорю, осмѣлится назвать такого блаженнѣйшимъ и высшимъ благомъ? Какимъ образомъ можетъ стать, что блаженнѣйшій и не-

тлѣнный Богъ не захотѣлъ вырвать корень злыхъ помышлений, или, по присущей Ему благодати, изгладить, какъ бы пожаромъ, изъ душъ смертоносныя влеченія? Ибо блаженнѣйшій и нетлѣнный тотъ, кто умерщвляетъ страданія, дѣлаетъ людей мудрыми, сообщаетъ божественное вѣдѣніе и являетъ добродѣтель. Мы же говоримъ, что для Бога было бы величайшимъ страданіемъ—нерадѣть о людяхъ, не хотѣть совершать благое и не имѣть попеченія о человѣческомъ родѣ. Но того кто преслѣдуетъ пагубныя дѣйствія страданій въ самомъ корнѣ, именно въ человѣческой мысли, и своимъ предусмотрительнымъ попеченіемъ обращаетъ людей, имѣющихъ задатки добродѣтели, изъ испорченныхъ въ добрыхъ, — какъ не назвать такого безстрастнымъ, когда онъ отгоняетъ отъ людей страданія и причиняетъ смерть страданіямъ?

XIV. Посему ты, о Θεопомпъ, въ сердцѣ своемъ, какъ на судилищѣ, произнеси рѣшеніе, идя по стопамъ мудрости; обрати вниманіе и непредубѣжденною мыслью и трезвымъ умомъ разсуди, слѣдуетъ ли намъ говорить, что у существа блаженнѣйшаго и нетлѣннаго возникаетъ страданіе тогда, когда оно оказываетъ намъ помощь, милосердіе и свое благоволеніе, или тогда, когда оно показываетъ себя жестокимъ, суровымъ, лишеннымъ милосердія и какого бы то ни было сожалѣнія. Мы же признаемъ безстрастнымъ въ особенности того Бога, Который является виновникомъ благихъ дѣлъ и Который изъ глухихъ дѣлаетъ мудрыми. Ибо несправедливо назвать блаженнѣйшимъ и нетлѣннымъ того, кто никогда не заботится о человѣкѣ. Вѣдь человѣка мудраго и разумнаго мы узнаемъ только по дѣламъ, которыя совершаются его искусствомъ, и никто онъ не называется художникомъ или знатокомъ прежде, чѣмъ увидятъ, что онъ измѣняетъ видъ ничтожной и безформенной матеріи и посредствомъ искусства, которымъ владѣетъ, создаетъ изъ нихъ художественное произведеніе. Ибо произведеніе, когда оно дѣлается доступнымъ для чувствъ, дѣлаетъ явную сокрытую въ немъ мысль художника. Посему, насколько яснѣе мы должны представлять и называть блаженнѣйшимъ существо высшее, когда его блаженнѣйшая природа, которая всегда присуща ему, открыта намъ; а когда мы видимъ дѣла этого блаженнѣйшаго существа, то изъ нихъ мы научаемся о немъ еще бѣльшему. Но тѣ, которые усвоили себѣ тотъ взглядъ и представленіе, что блаженнѣйшее существо пребываетъ только въ своихъ обителяхъ, замкнуто въ самомъ себѣ, созерцаетъ



самого себя, ко всему относится съ одинаковымъ презрѣніемъ, покой предпочитаетъ попеченію обо всемъ и въ себѣ самомъ находитъ удовлетвореніе, и которые говорятъ, что въ немъ возникаютъ страданія, когда оно проявляетъ заботу обо всемъ,— я не знаю, что сказать о нихъ? Какимъ образомъ можетъ называться блаженнѣйшимъ и нетлѣннымъ то существо, котораго человѣческій умъ никакимъ образомъ не въ состояніи и изслѣдовать? Но если это такъ, то перестань думать, что это— истинная природа Божія, такъ какъ доселѣ ты не знаешь Бога, когда говоришь, что Онъ отъ вѣчности по необходимости остается совершенно бездѣятельнымъ. Ибо какимъ образомъ можетъ быть блаженнѣйшимъ и нетлѣннымъ тотъ, кто тобою не познанъ? Неужели мудро распредѣлилъ свои блага тотъ, кто не доступенъ твоему изслѣдованію? Я же, напротивъ, утверждаю, что блаженнѣйшій и щедрый раздаятель благъ тотъ, кто является помощникомъ людей и подателемъ силы тѣмъ, которые лишились надежды. Ибо подобно тому, какъ мы не можемъ словомъ своимъ порицать низости злыхъ, если мы прежде не увидимъ ихъ злыхъ дѣлъ,—вѣдь не можемъ же мы точно представлять завершенія дѣлъ, пока они сокрыты въ мысли и не обнаружались,—такъ равнымъ образомъ блаженнѣйшее и нетлѣнное существо мы называемъ блаженнѣйшимъ тогда лишь, когда оно совершаетъ дѣла, свойственныя его благодати, [называемъ блаженнѣйшимъ], ради ясно обнаружившихся благихъ дѣлъ, какія отъ него проистекаютъ. Созерцаніе видимаго открываетъ сокровенное. Ибо благоразуміе мудраго и благоразумнаго мужа въ своихъ отличительныхъ качествахъ познается не прежде, чѣмъ ее сдѣлаютъ очевидною дѣла добродѣтели, съ радостью законченныя. Но какъ мы можемъ сообщить людямъ о величій разума блаженнѣйшаго существа, пока оно не представило ни одного случая къ тому, чтобы, постигая его, мы были въ состояніи говорить о немъ? Ибо если кто не вызываетъ въ насъ душевнаго движенія своими благими дѣлами, или если кто не привлекаетъ насъ къ себѣ [своею] славою,—какъ мы можемъ приписывать тому благодать, пока его благодать и щедроты его совершенно сокрыты?

XV. Если же ты имѣешь такое мнѣніе о Богѣ, то это твое дѣло, а не Божье, такъ какъ Онъ—блаженнѣйшій и щедрый въ Своихъ дарахъ. Его ты не можешь постигнуть, такъ какъ Онъ не явилъ тебѣ Своей нетлѣнной природы, которая превыше всего, если только Онъ пребываетъ въ томъ выс-

шемъ наслажденіи, которое прилично Богу, о которомъ ты утверждалъ, что оно, по твоему сужденію, исключительно прилично Богу, и Богъ къ нему постоянно возвращается и въ него погружается, такъ что и Самъ ничего не дѣлаетъ и другимъ ничего не позволяетъ дѣлать. Ибо всякій, кто таковъ, слабъ. Скажи намъ, о мудрый Θεопомпъ, какому страданію или какому безсилію подвергъ Себя блаженнѣйшій и нетлѣнный Богъ, принося людямъ помощь, которую они могутъ чувствовать, въ особенностяхи тѣмъ, которые по невѣдѣнію лишаются ея благъ и силою страданій увлекаются въ бездну, откуда сами собою не могутъ достигнуть добродѣтели. Если на время позволено будетъ сказать смѣло, то нельзя признать блаженнѣйшимъ и нетлѣннымъ того, кто не призываетъ людей, въ нѣкоторомъ смыслѣ упавшихъ съ корабля и погрузившихся, поелику они не вѣдаютъ Его благодати, или не влечетъ ихъ къ себѣ, когда они, вращаясь въ океанѣ міра, не смогли достигнуть добродѣтели и сдѣлались чуждыми Богу <sup>1)</sup>). Ибо что за блаженнѣйшій Богъ, богатый въ своихъ дарахъ, превосходящій щедростію Своею благодати, Которому не присущи ни радости, ни заботы, ни милости, ни иное какое-либо изъ тѣхъ качествъ, которыя приличны добродѣтели и которыя составляютъ средства обнаруженія для Бога, щедрого въ своей помощи.

XVI. Поэтому, если ты, увлеченный воображеніемъ, хочешь сочинить и нарисовать себѣ Бога, Который любить самого Себя, пребываетъ въ Своихъ богатствахъ, наслаждается Своею славою и не хочетъ никому оказывать содѣйствія, людьми пренебрегаетъ и отвергаетъ ихъ, лишаетъ помощи блаженнѣйшаго существа,—то какова жестокость по отношенію къ тѣмъ людямъ, которые, не зная добродѣтели, погибаютъ массами! И это—существо, блаженнѣйшее, щедрое въ своихъ дарахъ! Но оставимъ то, что можно говорить при такомъ положеніи дѣлъ, и пойдемъ къ мудрецамъ, чтобы у нихъ научиться познанію истинной философіи, такъ какъ они тѣхъ, которые падали и заблуждались въ этомъ мірѣ, призывали и дѣлали близкими къ себѣ. Если бы философы молчали, когда люди погибали толпами, то погибъ бы молчаливый Критій изъ-за своей любви къ власти; погибъ бы въ своей говорливости Алкивиадъ, вслѣдствіе расточительности. Персы и мидяне отличались доблестью въ Сузахъ, прежде

<sup>1)</sup> Ср. Колос. I, 21 и Ефес. IV, 18.

чѣмъ они опоясались оружіемъ, чтобы идти въ Македонію. И такъ, что молчишь <sup>1)</sup> ты, о блаженный (т. е. Боже), при гибели всѣхъ этихъ, когда мудрецы не хотѣли молчать <sup>2)</sup>, чтобы помочь имъ? Это—природа добродѣтели, о Теопомпъ, это—плодъ философіи, именно, чтобы тѣ только почитались блаженными и великодушными, у которыхъ забота не только о себѣ, но также и о ближнихъ, въ особенности о тѣхъ, которые подвержены страданіямъ души. Даже самъ Діогенъ циникъ, когда однажды аѳинянинъ смѣялся надъ нимъ въ такихъ словахъ: почему ты, когда хвалишь Лакедемонянъ и порицаешь Аѳинянъ, не отправляешься въ Спарту?—говорять, отвѣтилъ такъ: «врачи обыкновенно посѣщаютъ больныхъ, а не здоровыхъ». Посему, если человѣческая философія сама умѣетъ лѣчить болѣзни души, и тѣмъ, которые стремятся къ добродѣтели, не позволяетъ отталкивать или презирать даже только одну душу какого бы то ни было человѣка, но побуждаетъ спѣшить, чтобы съ тревогой возвратить людей и спасти тѣхъ, которые отпали отъ добродѣтели,—какъ намъ не сказать, что тотъ Богъ, который есть учитель всякой философіи, Который есть по истинѣ блаженнѣйшій и щедрый, пришелъ по Своей волѣ сюда, гдѣ множество страданій избрало себѣ мѣстопребываніе, къ тѣмъ, которые поработочены страданіямъ? Неужели мы скажемъ, что это не есть страданіе души, если кто не совершаетъ дѣлъ, которыя приличны добродѣтели? Самъ Исократъ, когда немного раньше писалъ къ жителямъ Абдеры, сказалъ, что болѣзнь души есть любовь къ деньгамъ. И далѣе присовокупилъ: «жалка жизнь людей, такъ какъ всюду проникла, подобно зимнему вѣтру, любовь къ деньгамъ, которой никто не можетъ противостоять». О, если бы всѣ врачи собрались противъ этой болѣзни, излѣчили сумасбродство этого безумія и бѣдствіе мученій, не говоря уже о томъ, чтобы не провозглашали этой болѣзни счастьемъ! Я думаю, что изъ всѣхъ болѣзней души самымъ тяжкимъ безуміемъ является то, которое создаетъ похотливыя желанія и пустыя помышленія,—если оно медиками посредствомъ какой либо силы очищается, душа чувствуетъ себя хорошо. О, если бы возможно было отсѣчь горькій корень похоти, такъ, чтобы не было больше никакого остатка отъ нея, и если бы ты

<sup>1)</sup> Можетъ быть: что пребываешь въ покоѣ?

<sup>2)</sup> Или: быть бездѣтельными.

увидѣлъ, что люди, одновременно больные тѣлами и душами, очищаются и просвѣтляются! Поелику же въ этомъ мірѣ на родъ человѣческой обрушились безчисленныя бѣдствія, то [Богъ] можетъ быть названъ блаженнѣйшимъ и щедрымъ въ своихъ дарахъ [только] тогда, когда окажется что, при безстрастіи Своей природы, по приличной Богу благости, Онъ раздѣляетъ всѣмъ людямъ Свои дары. Ибо самъ Платонъ сказалъ: «зависть находится внѣ предѣловъ божественнаго существа».

XVII. Посему пришелъ, о блаженный, пришелъ Иисусъ, Который есть Царь надъ всѣмъ, чтобы исцѣлить тяжкія болѣзни людей, какъ существо блаженнѣйшее и щедрое въ своихъ благахъ. Но самъ Онъ, оставаясь тѣмъ, чѣмъ былъ, Своимъ безстрастіемъ разсѣялъ страданія, какъ свѣтъ изгоняетъ тьму. Итакъ, Онъ пришелъ, поспѣшая пришелъ, чтобы сдѣлать [людей] блаженными и исполненными благъ, обратить изъ смертныхъ въ бессмертныя, возсоздать и утвердить въ блаженствѣ. Ему, славному Царю, слава во вѣки. Аминь.

Н. Сагарда.

---



# САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

## **Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»**

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

**На сайте академии**  
**[www.spbda.ru](http://www.spbda.ru)**

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки